

Научная статья

УДК 316.77 : 001.8; 070 : 001.8

doi: 10.17223/26188422/18/3

Медианасилие как форма социального

Светлана Каимовна Шайхитдинова¹

¹ *Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия,
Svet1206@yandex.ru*

Аннотация. Автор рассматривает исторические трансформации «социального» сквозь призму доминирующих типов субъектности. Общественный прогресс трактуется как движение от субъектности, выражаемой преимущественно через коллективное бессознательное, к субъектности суверенной личности. На этом историческом пути медианасилие как насилие, доводимое до отдельного человека медиаспособами, может быть рассмотрено в виде устойчивой формы «социального» только в условиях, способствующих утверждению автономного индивида.

Ключевые слова: медианасилие, социальное, форма социального, субъектность, торговля страхом, гетерологическая перспектива, неклассическая метафизика, событийная социальность

Для цитирования: Шайхитдинова С. К. Медианасилие как форма социального // Вопросы журналистики. 2025. № 18. С. 59–76. doi: 10.17223/26188422/18/3

Original article

doi: 10.17223/26188422/18/3

Media violence as a form of the social

Svetlana K. Shayhitdinova¹

¹ Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation, Svet1206@yandex.ru

Abstract. The author examines historical transformations of the “social” through a prism of dominating subjective types. Social progress is explored as a move away from the subjective, which is expressed mostly through the collective unconscious, towards the subjectiveness of a sovereign identity. In this historical context, mediaviolence (as violence that reaches each separate person through media) can be seen as a steady form of the “social” only under conditions that affirm an autonomous individual. Certain conditions apply: an appropriate technological level of the media sources, the appearance of media institutes, the cultural maturity of the perception subject, etc. Therefore, the starting point of the study is placed in the Renaissance and the Enlightenment eras. Signs and features of the future information society began taking form at the beginning of the classical worldview formation – when information began to actively adapt and acquire market qualities. At the same time, the prerequisites for the accelerated social subject differentiation also began to appear. The author finds three types of the subjective vital to the discussion topic. Having first appeared in the early modern period, today they have reached their “limit values”. In the course of the rational and empiric subjectiveness development, the media violence market began to be formed and institutionalized. Fear-mongering and manipulative governance that uses anxiety and stress-factors are currently upheld by advances in neurolinguistic programming and psychiatry. The “mystical” subjectiveness appears as a staged dramatization of mystical terror and plots that popularize magic practices. The totality of today’s media violence stems from media-subjectiveness that has been turned into a blindly acting mechanism; it is placed within the logic systems of social form development, which are in turn borne out of classical metaphysics. The latter, in the author’s opinion, does not have the potential to bring about a humanitarian resolution to the problem at hand. The possibilities of a heterological perspective that reaffirms nonaggressive thought and new event sociability are explored from this point of view.

Keywords: media violence, social, form of social, subjectivity, fear trading, heterological perspective, non-classical metaphysics, event sociality

For citation: Shayhitdinova, S. K. (2025) Media violence as a form of the social. *Voprosy zhurnalistiki – Russian Journal of Media Studies*. 18. pp. 59–76. (In Russian). doi: 10.17223/26188422/18/3

Медианасилие обнаруживает себя через проживание насилия в виртуальном пространстве. Утверждение, что медианасилие выступает формой социального, не обладает доказательной очевидностью. Его проблематизирует обратное утверждение о том, что социальное – форма насилия. На этом могли бы настаивать приверженцы адлеровской трактовки человека. Или приверженцы трактовки насилия как формы дискурсивного детерминизма, сопровождающего нас с рождения, с момента включения в социальные дискурсы. Однако здесь есть подмена: добавляя приставку «медиа», мы дополняем слово «насилие» новыми смыслами. И хотя в этой добавке конвертируется указание и на сферу, и на характер производимого насилия, и на технологии – на все, что могут представлять для нас сегодня пронизывающие нашу жизнь коммуникационные посредники в виде медиа – необходимо признать, что ими очерчивается особый аспект понимания образцов сущего. Данный аспект открывается только в тот период, когда сами медиа становятся автономной формой социального. То есть в рассмотрении социальных форм нам не избежать вопроса об их исторической обусловленности.

По отношению к концепту «социальное» актуален также вопрос – имманентно ли социальным взаимодействиям насилие. Либо это те социальные риски, с которыми, как со всякого рода рисками, можно работать в стремлении свести их на «нет»? Этот вопрос аналогичен другому – тому, что ставится в этой плоскости по отношению к отдельному человеку: человек от природы – инстинктивно действующее хищное животное? Или он способен к преодолению себя? Ответ зависит от трактовок. Последние определяются не только периодом времени, но и характером картины мира в целом. То есть речь должна идти и об исторических образцах социального, и об исторически изменяющихся онтологиях социального бытия.

Типы доминирующей субъектности как критерий исторических трансформаций социального

Заявленная тема заставляет нас обратить внимание на словосочетание «форма социального». Оно, как показывает обзор подходов, вызывает соблазн у авторов, сосредоточившихся на конкретном слове «форма», произвести социологическую инвентаризацию «форм».

Встречаются попытки включить в этот ряд «смерть социального» [1]. Необходимость отмежеваться от такого рода попыток актуальна для нас также в связи с риском упрощенного толкования медианасилия. Игнорирование сложной диалектики общего и особенного ведет к рассмотрению медианасилия исключительно как насилия, транслируемого современными средствами коммуникации.

Между тем концепт «медиа» в не меньшей степени, по сравнению с концептом социального, многозначен и внутренне противоречив. Сегодня мы говорим о медиа как о феномене социальной жизни, возникшем в процессе формирования публичной сферы, которая выступает атрибутом индустриализации общества. Но нельзя не учитывать, что и древние люди были знакомы с эффектами воздействия друг на друга с помощью визуально воспринимаемой информации. Известна, к примеру, семиотика устрашения в столкновениях племен и в нашествиях варваров, которая дает пищу для творчества современным реконструкторам древнейших исторических событий.

Для разрешения вопроса о том, по каким критериям следует вычленять исторический период, в ходе которого медианасилие начинает выступать устойчивой формой социального, обратим также внимание на необходимость наличия освоенного человеческой культурой акта восприятия. Переход от восприятия как природной характеристики живого существа к восприятию как стратегии бытования в социуме и в культуре предполагает наличие культурного (социального) субъекта. «Окультуривание» восприятия (наряду со многими другими окультуривающими природу человека процессами) его, субъекта, и конституирует. Иными словами, вопрос о медианасилии как о проявлении социального указывает на наличие в его составе субъекта восприятия. Восприятие в коммуникации – это прием послания. Прием всегда предполагает посыл. То есть должен быть и субъект-отправитель. Это означает, что субъектность имманентна данной форме социального. Более того, медианасилие как форма социального обнаруживает себя, по нашим наблюдениям, через проявление соответствующего типа субъектности. «Механизмы» в развитии социального определяются, прежде всего, противоречиями между надиндивидуальными и индивидуальными позициями.

Коллективная субъектность в полной мере определяла образ человеческого существования на ступенях доклассического и раннеклас-

сического обществ, когда преобладали связи личной зависимости. Применительно к тому времени говорить о медиа и коммуникациях можно с большой условностью, понимая, что через эти понятия невольно производится аналитическое разделение синкретического поля человеческого существования.

В русле концепции социального прогресса, поддерживающего ценность самости, личностной субъектности человека, представленные формы субъектности выглядят как следующий один за другим этапы. Однако расширяющиеся процессы массовизации общественных практик заставляют думать иначе. Сегодня, как нам представляется, обе обозначенные стратегии актуальны. И все же определяющим признаком субъектной состоятельности социального актора будем полагать такой уровень развития человеческой самости, которым обеспечивается возможность его личностного самовыражения, кем бы он ни был по своему социальному происхождению. Таким образом, нами задана исходная точка в исторической системе координат, определяющая начальный период становления форм социальности, которым имманентны личностные проявления. Речь о классической эпохе, когда идея личности внятно прозвучала в философии и искусстве. Из этого следует, что говорить о медианасилии как об автономной, устойчивой социальной форме основания возникают в контексте классической картины мира. В тот период зарождалось многое из того, что достигло сегодня «предельных величин». Так, признаки информационного общества с его рисками можно наблюдать уже в раннем модерне [2]. Один из результатов этих тенденций мы видим в том, что медианасилие сделалось сегодня ходовым товаром.

В рамках заданной темы обратим внимание на то, как запущенная в контексте классической картины мира дифференциация социального субъекта определила направления в развитии социальных проявлений медианасилия. Значимыми для данного процесса нами признаны три типа субъектности: рациональный, эмпирический и мистический.

Рациональная субъектность и медианасилие

На примере «методологического индивидуализма» Макса Вебера, проявившегося в теории целерациональности, обратимся к различиям между коллективной и индивидной субъектностью. Гайденко указы-

вает на противостояние Вебера учениям, трактовавшим общество по аналогии с организмом, а также концепциями, согласно которым «индивид сам не отдает себе отчета в собственных целях или, говоря проще, сам не знает, чего хочет». Вебер стремился преодолеть и распространённые в то время трактовки мотивации поведения индивида в духе робинзонады, как установку на сугубо личный интерес. Он не считал социальным и чисто подражательное действие, совершаемое индивидом как «атомом массы», отводя этот вопрос предметной сфере «психологии масс». По Веберу, при изучении социологами массовых действий необходим учет «смыслового отношения между поведением индивида и фактом его омассовления». Достаточно, стало быть, индивиду, составляющему «атом массы», осмысленно отнестись к своей «омассовленности», как появится некоторая неуловимая дистанция между ним самим и его «массовостью», – резюмирует Гайденко, – и это обстоятельство будет определяющим также и для структуры самой массы [3. С. 65–71].

То, каковы были представления о роли отдельного человека и роли массы, определяло и определяет разрешение вопроса о господстве и подчинении, о легитимности насилия не только и не столько в теоретическом дискурсе, сколько непосредственно в социальных практиках. Макс Вебер был продолжателем европейской гуманистической традиции с ее уважением к индивиду. Однако массовизация общественной жизни поддержала сценарии, при которых «атомы массы» потеряли возможность и способность осмысливания своих позиций. Борьба за ресурсы, о которой сто лет спустя после эпохи Вебера внятно скажет Пьер Бурдьё в своей социологической теории социального пространства, – это не борьба индивидов, групп, классов. Это борьба позиций. Структурализм, идентифицировавший социальную реальность не с субстанциями, а со связями, снял таким образом оппозицию между структурами и представлениями [4] и окончательно «упразднил» личность и ее смысловую мотивацию как социологическую инстанцию. От нее перестало что-то зависеть. Системная субъектность, представляя собой наиндивидуальные процессы, не моральна. Однако именно прогресс системной субъектности, выраженный в дифференциации и синтезе различных направлений общественного развития, определяет сегодня то многообразие предметного мира в

пространстве социального, которое обеспечивает бытование сообществ и культур.

Вопрос в том, что человек при этом продолжает жить, переживать свою жизнь и жизнь окружающих как конкретный индивид. И многое из того, что являет нам общество как слепую закономерность структурных изменений, в повседневности выступает результатом поступков конкретных людей. В этой связи имеет смысл оставить в поле зрения две ипостаси субъектности – субъектность системную и субъектность отдельных акторов. Последние в социологическом и культурном смыслах заявляют о себе через личные биографии и события. По ним судим, на что способен человек, как он пал или как поднялся. Именно этот критерий задает социальному полю и его формам человеческий – гуманитарный – масштаб. Именно в таком масштабе в конце концов безликие отношения подчинения-доминирования предстают как насилие над человеком, получают нравственное осуждение и могут быть восприняты в виде угрозы человеческой природе.

Не случайно одним из показателей степени гуманности или негуманности того или иного социума выступает отношение к смерти. При этом подразумеваются не случаи массовой гибели, а именно отношение к смерти отдельного человека. Рационализация общественного сознания в эпоху Просвещения и Великой французской революции изменила многие стороны жизни, в том числе отношение к публичной казни. Доктор Жозеф Игнас Гильотен, который изобрел гильотину, слыл среди товарищей гуманистом и филантропом. Врач по образованию, преподаватель анатомии, он входил в депутатскую комиссию по разоблачению «колдовства, волшебных палочек и животного магнетизма». Он был приверженцем равенства граждан перед смертной казнью и сторонником технического прогресса. Фраза, которая обессмертила его имя, прозвучала в конце его речи на депутатском собрании и, говорят, потонула в дружеском хохоте присутствовавших: «Моя машина, господа, отрубит вам голову в мгновение ока, и вы ничего не почувствуете. Нож падает быстрее молнии, голова отлетает, кровь брызжет, человека больше нет!»¹.

---

¹ Каменченко П. «Машина, способная принести счастье человечеству». Как гильотина стала символом гуманизма, равенства и просвещения // Lenta.ru. 2021. 25 апр. URL: <https://lenta.ru/articles/2021/04/25/guillotine/>

Банализация смерти суть результат приблизившейся к своим пределам рациональной субъектности. Когда в угоду производственному принципу с показателями эффективности предварительно лишённое таинства жизни человеческое существование вписывают в утилитарный предметный ряд, смерть предстает всего лишь одним из этапов цикла. При этом управленческом контроле за такого рода циклами рациональный ум не уступает ни Богу, ни Природе. Именно на идее, что «не тварь я дрожащая», а «право имею», концептуализируется мотивационная схема большей части убийств на художественном экране, в литературе и в кинематографе. Воспринимающая публика приучается к медианасилию: если вчера злодейство будоражило аудиторию своей событийностью, то сегодня – это рядовая линия расхожего сюжета заштатного сериала.

Характерной иллюстрацией может послужить эволюция жанра телевизионного детектива. Первые киноленты представляли собой торжество интеллекта сыщика над злом, в особенности если речь идет об экранизации известных детективных романов. Зритель вовлекается в процесс размышлений следователя, ведущих к «острию пирамиды» – разгадке. Медианасилие в виде демонстрации криминальных сцен и действий преступников оказывается наказанным. Но со временем эпоха экранных героев-интеллектуалов проходит. Творцы медиареальности, идущие по пути все большей технологизации медиавоздействия, постоянно нуждаются в новых и новых стимуляциях психики искусственных потребителей. И вот создатели современных детективов все активней эксплуатируют тему психиатрических отклонений в поведении убийцы. Он уже не просчитываем умными следователями, это фатум. Его рациональный ум – это не замутненный ум мятущегося героя Достоевского. Это ум больного, ум маньяка – на его пути обратной дороги нет, нет надежды. Но зритель этим не загружен. Он смотрит на проблему из кабинета эксперта-психиатра и из лаборатории патолога-анатома, перед которым лежит тело жертвы. Перед нами не убитый человек, а «медицинское тело» (Бибихин), над которым актеры отрешенно ведут свои монологи и шутят. Если сценарий не плох, а шутки «уместны», мы смеемся.

Социальное манипулирование повседневными тревогами, фобиями, стрессами, пограничными состояниями обывателя в неклассичес-

кую и постклассическую эпохи начинает производиться индустриальными способами – через СМИ и «фабрики грез». Конструируемой ими медиареальности помогает реальность повседневной жизни, в которую насилие приходит с мировыми войнами, с реваншистскими идеями разросшегося до межгосударственных масштабов циничного рационального субъекта. Маленький эмпирический человек, приобщаясь к энергии власти, восторженно ощущает себя частью ее могущества. Хабермас писал о том, что еще задолго до Освенцима победа фашизма в Италии и приход к власти национал-социалистов в Германии стали событиями, от которых исходили не только волны раздражения, они волновали, зачаровывали. Современников того времени потрясала пробивная сила фашизма, его напор [5. С. 227].

Здесь уместно обратиться к описанию медианасилия через принуждение к единству средствами пропагандистской машины. Однако в рассмотрении манипулятивного насилия в ракурсе заявленной темы в методологическом плане важнее, как нам думается, сосредоточиться на воспринимающей стороне коммуникативного акта – на эмпирическом субъекте. Напомним, что в отличие от рационального субъекта, инициирующего осознанные пропагандистские мероприятия, воспринимающий – это «атом массы», и его реактивное поведение, согласно утверждению Вебера, не следует квалифицировать как социальное действие. В той же логике трактует коммуникативное действие Хабермас. При таком подходе придется исключать из ряда социальных форм ритуальное и стихийное бытование институциональных и иных системных субъектов, осознанность действий которых находится под большим вопросом. На тех же методологических основаниях не просматривается волеизъявление причастных к коллективному субъекту «атомов» – отдельных людей, движимых «потоком», подчиняющихся «социальной машине» и не имеющих возможности на этот «поток», на эту «машину» повлиять. Таким образом, неоправданно сужается и сфера социального, и «регистр» действий атомарных акторов.

Эпоха, вдохновленная просвещенческими идеалами разумности, осознанности поступков морально ответственного человека, – эта эпоха прошла. Таким образом, мы подытоживаем мысль о том, что рациональная субъектность, связываемая нами с осмысленными действиями и продуманными диспозициями акторов, не может быть

наделена моральной ответственностью за эти действия, поскольку их мотивационная подоплека находится в иной плоскости, а именно – в сфере расчета. Им и определяется сегодня во многом социальная реальность. Пока политически и экономически выгодна торговля медианасилием, воплощенным в состояния испуга, страха, тревог, унижения, превращенные в информационные продукты, эта торговля будет продолжаться.

Эмпирическая субъектность и медианасилие

В формировании дискурса эмпиризма в эпоху Возрождения основную роль сыграли экономика и культура того времени. Жизнеутверждающий настрой понижывал все сферы деятельности человека. Согласно Питеру Козловски, в основе картины мира Нового времени с ее идеей самосохранения субъекта, сохранения движения, структуры бытия лежит первый основной закон термодинамики о сохранении энергии. Второй основной закон термодинамики, утверждающий более вероятные, менее комплексные состояния, то, что теплота переходит к более холодному телу и никогда – наоборот, – этот закон был открыт уже позднее и на сознание раннего модерна не повлиял [6. С. 23].

Нам необходимо зафиксировать эти два образа эмпирической реальности, один из которых базируется на «принципе сохранения», другой – на «принципе энтропии». Поскольку оба эти образа, отягощенные характерными деталями документальной правдивости и своей нормативностью, создавали (и создают) ту драматическую коллизию, которая движет развитием медиасферы по сей день.

Представления, сформировавшиеся на основе второго основного закона термодинамики, согласно которому системы конечны, а тенденции упадка и декаданса более вероятны, чем тенденции к стабильности, – определили эпоху постмодерна. Ссылаясь на Хабермаса, Козловски отмечает, что идея исчерпываемости физических энергий привела к «истощению утопических энергий». Прогресс средств коммуникации способствовал утверждению пессимистического образа Новейшего времени. Перед «маленьким человеком» открылась «невыносимо жестокая правда бытия к смерти». Медианасилие сделалось «трендом» постсовременности.

Наблюдаемые сегодня дискурсивные особенности представленности медианасилия как социальной формы определяются доминирующими типами дискурсивной субъектности. Сколь-либо стабильный тип невозможно зафиксировать, поскольку в пространстве социального происходит постоянная борьба медиадискурсов. Их господство также временно, как и поражение. Рациональный дискурс, как следует из сказанного выше, определяется волевыми акторами из состава элит. Их субъектность характеризуется целерациональными социальными действиями, локация которых в силу сложной организации «мероприятий» и задач не может быть строго прописана либо в сфере «реальной» действительности, либо в сфере виртуальной действительности. Эмпирический дискурс формируется иначе. Инерациональность тела и плоти формирует эмпирический план «дискурса невыразимого». Медиаслед проблемных полей философского осмысления, недоступных или игнорировавшихся ранее – от философии раны, крови до телесности ландшафта и кенозиса как самоистощения [7. С. 301] – этот медиаслед «невыразимого» проложен к массовому потребителю. Чрезвычайно распространенными, по наблюдениям М. С. Уварова, в культуре постмодерна становятся буквальные смыслы «размножения» смерти как сюжета мультипликации [7. С. 338].

В медиасфере, в отличие от других социальных сфер, отчетливо видна необходимость совершаемые действия приписывать по негласному требованию публики конкретным лицам и институтам. Таково одно из направлений рационализации попадающей на телевизионные экраны и экраны мобильных устройств эмпирической стихии. Другое направление связано с тем, что дискурс эмпиризма в заявленной логике определяется преимущественно поведением системного субъекта – признаками субъектности в этом случае наделяется структура. От ее имени действуют профессиональные медиатеchnологи, поскольку даже самое, что ни на есть «реалити-шоу» – это не «действительность». Это сконструированная, а значит, рационализированная реальность, которая разворачивается по заданному сценарному плану. Технологические возможности данного процесса совершенствуются день ото дня. И вот уже Кастельс, опираясь на исследования в области нейронауки, говорит о втянутых в коммуникацию «образах тела» – о внутренних состояниях, присущих человеческому организму, и о схваты-

ваемых сенсорикой органов чувств данных внешней среды [8. С. 191–200]. Медианасилие обрело при этом такую эмпирическую детализацию, такую изошренную способность к воздействию на сознание воспринимающего, которая Хичкоку и не снилась.

Симптомом современной цивилизации выступает внимание к отклонениям от нормы, вывод на публичные арены в качестве действующих персонажей людей в пограничных состояниях или клинических больных, отморожков, помешанных – тех, перед злодейством мыслей и поступков которых рядовой обыватель в бессилии и страхе цепенеет. Отдельного рассмотрения требует тема героической романтизации банд убийц, грабителей, киллеров. Заполнение в сознании аудитории смысловых пустот жизни ужасающими действиями соплеменников и другие формы художественного медианасилия не расцениваются зрителями по итогам эмпирических исследований как социальная проблема. Операцией самоуверения оказывается, по Тулчинскому, процесс нанесения травмы – себе или другому – или какой-то изначальный физический изъян: «это моя рана, это моя немощь и одновременно – проявление не моего, того, что я сам не могу помыслить и почувствовать, но на моей территории...» [7. С. 352]. Не ошибемся, указав, что так может быть сформулировано кредо немалой группы тех, кто считает себя творцами современной медиареальности. Здесь уместно маклюэновское замечание о том, что, «если девятнадцатый век был эпохой редакторского кресла, то наше столетие – век психиатрической кушетки» [9. С. 7].

Другая продуктивная объяснительная схема механизма реализации системной субъектности в пространстве социального опирается на теории коллективного бессознательного, каковым представлена если не основная, то значимая часть смыслового универсума. Символический порядок, по Лакану, дается нам как порядок универсальный. Он не складывается «потихоньку, постепенно»: там, «где является символ, там налицо и целый символический универсум». Человеческий мир тем и характеризуется, что «символическая функция участвует в его существовании в каждый момент и на всех уровнях». Далее Лакан вновь возвращается, как бы подчеркивая, к тому, что эти упорядочивающие структуры Леви-Стросс называет элементарными, а не примитивными, и не комплексными, которые не даны человеку подобно

элементарным, а созданы им, поэтому характеризуются куда большей аморфностью. На этих основаниях высказывается гипотеза о том, что символический порядок, полагая себя как начало, созидающее универсум как таковой, как нечто, отличное от целого мира, должен и сам быть структурирован как целокупность, то есть представлять собой независимую, полную, диалектическую структуру [10. С. 44–45]. Эта лакановская гипотеза позволяет понять многое из того, что происходит в медиасфере. Как, к примеру, осуществляется быстрое втягивание большой человеческой массы в орбиту воздействия разного рода идей, заставляющих эту массу действовать как единая личность. Детализированное описание символического возвышения объекта находим у Жижека [11].

«Мистическая» субъектность и медианасилие

За определениями мистики обратимся к Бердяеву. Он трактует мистику как духовный путь и высшее достижение на этом пути. Будучи проявлением духовной жизни, мистика не поддается объективации и социализации. Подлинная мистика обращена к «первореальностям», к тайне существования. Мистика есть преодоление тварности. Как чистая духовность мистика может искажаться душевными и телесными состояниями человека [12. С. 428–429]. Бердяев считал, что существует ложная духовность, соответственно, есть и «ложная мистика», ложное мистическое визионерство и экзальтация.

Очевидно, принципиальная невозможность социализации имманентного мистического опыта делает также невозможным аналитическое выделение «мистической» субъектности, не говоря уже о превращении этого рода опыта в медийный продукт. В нашем случае уместно говорить о косвенных отсылках к заявленному направлению развития темы, в качестве которых могут выступать образцы визионерства и «ложной мистики» в виде сюжетов, популяризирующих магические практики и концепты. Именно они и формируют на этом направлении устойчивый дискурс, который сросся с проявлениями рациональной и эмпирической субъектности. Принципиальная инаковость опыта мистицизма дает повод для иного взгляда на социальное.

Рациональный и эмпирический типы субъектности, взращенные в эпоху технизации и психологизации человеческого существования,

не могут освободиться от механистического и от субстанционалистского мировидения. Акторы – с одной стороны, системные субъекты – с другой, а также результаты их жизнедеятельности создают социальный ландшафт, который от эпохи к эпохе обретает свои особенности, но по существу мало меняется. В логике теории тождества находится рассмотрение стабильности «социального тела» человечества в качестве гаранта его выживаемости. При этом значимая часть гуманитарных практик остается за бортом «мейнстрима» случающихся социальных трансформаций. Их актуализация осуществлялась только в периоды смены эпох, вызванной революциями – аграрной, промышленной, информационной. И хотя сопровождающие их потрясения коренным образом меняли жизнь поколений, классическое знание как органичная часть парадигмы тождества не обладает ресурсом, который позволил бы прогнозировать эти процессы и управлять ими.

В нашу задачу не входит выстраивание новой системы методологических координат для трактовки новоявленных форм социального. Вместе с тем мы не можем ограничить мысль прежними рамками, поскольку наблюдаемые дискурсивные практики представленности в социуме медианасилия не содержат потенциала для гуманитарного развития заявленной темы. Если рассматривать медианасилие как социальную проблему, то направления поиска хотя бы локальных решений для нее очень ограничены. Они давно обозначены. Наиболее эффективным разрешением вопросов, вызванным тотальностью медианасилия, исходящего от превращенной в слепой механизм системной медиасубъектности, философы видят в «бегстве» из нее. Один из способов «бегства» – индивидуальные практики [13].

Другой «способ» – уход в иную парадигму. Ее освоение во всей полноте на практике невозможно. Однако ее представление открывает нам горизонты другого мира. Обратимся к исследованиям Керимова [14], представляющего «философскую историю понятия различия», в которой, по свидетельству автора, созрели предпосылки для освобождения различия от тождества, несмотря на то, что «различие как различие» никогда не тематизировалось в философии. Между тем решающий вопрос заключается в том, чтобы мыслить «бытие как различие». «Это означает, что нам следует мыслить бытие не на основе различия бытия и сущего, а на основе “между” как различия становления

мира» [14. С. 5]. Метафизика описывает данность сущего, выявляя априорные структуры этой данности. Но как дается само бытие? Бытие дается как событие. Размышляя над этим хайдеггеровским понятием, Керимов отмечает, что таким образом мы переходим от сущности как чтойности к сущности как становлению, указывающему на процесс, но не в смысле творения как воспроизведения тождества: «События ускользают от метафизики, поскольку они не имеют сущности» [14. С. 133].

Определяя «различение» как опыт неагрессивного сознания, Молчанов указывает, что на вопрос Хайдеггера, свойством чего является интенциональность, можно дать прямой ответ: свойством различений. Тему агрессивного сознания данный автор связывает с проявляемым через «схватывание», «силу», «синтез» открытым Кантом правом разума на агрессию и интервенцию по отношению к познаваемому миру. В парадигме силы силе противостоит сила. Остается непротивление злу? Молчанов, отвечая на этот вопрос, замечает, что непротивление – принцип отрицательный, реактивный, признающий силу как факт, в то время как неагрессивность сознания – вообще не принцип. Это опыт различений [15. С. 27–29].

Идея различия ложится в основу концепции дифференциальной социальности Керимова, которая порывает с метафизикой субстанции и сущности, открываясь бытию как безосновной событийности. В гетерологической перспективе единицы социальности не предшествуют отношению или связи, социальная реальность предстает не как предметная или индивидуальная данность, а как совокупность событий. Созидательные события социемы – конкретные и сингулярные универсалии – существуют как сетевые континуумы и формируют актуальные процессы. Компоненты сети разнородны – единство или целостность заключается только в их со-функционировании: отношения могут меняться, даже если компоненты остаются теми же. При этом социальность обладает «структурой спутанности». Это «абстрактная машина», которая может включаться в разные сборки в очень разных обстоятельствах, в разные периоды. Отношения всегда внешни, всегда «между», не присущи внутренне одному из компонентов, который в этой связи лишается возможности стать субъектом. «Социальность в инстанции становления» нейтральна в отношении частного и общего,

коллективного и индивидуального. Общество как «гетерогенная сеть» «складывается, собирается, монтируется, конструируется, лепится, оно не может служить объяснительным принципом» [16].

Представляется, что, если бы такого рода социальная реальность была смоделирована, она предстала бы подобием Интернета, начисто освобожденного от борьбы человеческих интересов, от имманентного этой борьбе насилия и медианасилия. К слову сказать, на заре распространения «всемирной паутины» и утверждения программирования «как отдельного типа работ», как торжества созидającego миры человеческого духа, информационное общество было открыто бытию как бесосновной событийности. Социальным утопиям сбываться не дано. Но они вдохновляют на поиски.

Список источников

1. Социальное: содержание, смысл, поиск в современном культурно-историческом пространстве и дискурсе : материалы междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А. Б. Лебедева. Казань : Казан. ун-т, 2011.
2. *Шайхитдинова С. К.* Информационное общество и «ситуация человека»: эволюция феномена отчуждения. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2004.
3. *Гайденок П. П., Давыдов Ю. Н.* История и рациональность: Социология М. Вебера и веберовский ренессанс. М. : Политиздат, 1991.
4. *Бурдые П.* Социология социального пространства / пер. с фр. СПб. : Алетейя, 2013.
5. *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне / пер. с нем. М. : Изд-во «Весь Мир», 2003.
6. *Козловски П.* Культура постмодерна: Общественно-культурные последствия технического развития / пер. с нем. М. : Республика, 1997.
7. Перспективы метафизики: классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков / под ред. Г. Л. Тульчинского, М. С. Уварова. СПб. : Алетейя, 2000.
8. *Кастельс М.* Власть коммуникации / пер. с англ. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017.
9. *Маклюэн Г.* Понимание медиа: Внешние расширения человека / пер. с англ. М. ; Жуковский : «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003.
10. *Лакан Ж.* «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (Семинар, кн. II. 1954–55) / пер. с фр. М. : Изд-во «Гнозис», Изд-во «Логос», 2009.
11. *Жижек С.* Возвышенный объект идеологии. М. : Изд-во «Художественный журнал», 1999. URL: http://yanko.lib.ru/books/philosoph/jijek-vozzv_o_ideologii-8l.pdf
12. *Бердяев Н. А.* Философия свободного духа. М. : Республика, 1994.

13. Михайличенко Д. Г. Субъективация современного человека в контексте технологий массовой манипуляции : автореф. ... дис. д-ра. филос. наук. Челябинск, 2011.
14. Керимов Т. Х. Бытие и различие: генеология и гетерология. М. : Академический проект : Фонд «Мир», 2011.
15. Молчанов В. И. Различение и опыт: феноменология неагрессивного сознания. М. : Модест Колеров и «Три квадрата», 2004.
16. Керимов Т. Х. Гетерология и концепция дифференциальной социальности // Социальное: содержание, смысл, поиск в современном культурно-историческом пространстве и дискурсе : материалы междунар. науч.-практ. конф. Казань : Казан. ун-т, 2011. С. 48–56.

References

1. Lebedev, A.B. (ed.) (2011) *Sotsial'noe: sodержanie, smysl, poisk v sovremennom kul'turno-istoricheskom prostranstve i diskurse* [The Social: Content, Meaning, Search in Modern Cultural-Historical Space and Discourse]. Kazan: Kazan University.
2. Shaykhitdinova, S.K. (2004) *Informatsionnoe obshchestvo i "situatsiya cheloveka": evolyutsiya fenomena otchuzhdeniya* [Information Society and the "Human Situation": Evolution of the Phenomenon of Alienation]. Kazan: Kazan University.
3. Gaydenko, P.P. & Davydov, Yu.N. (1991) *Istoriya i ratsional'nost': Sotsiologiya M. Vebera i veberovskiy renessans* [History and Rationality: Sociology of M. Weber and the Weberian Renaissance]. Moscow: Politizdat.
4. Bourdieu, P. (2013) *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of Social Space]. Translated from French. Saint Petersburg: Aleteyya.
5. Habermas, J. (2003) *Filosofskiy diskurs o moderne* [The Philosophical Discourse of Modernity]. Translated from German. Moscow: Izd-vo "Ves' Mir".
6. Koslowski, P. (1997) *Kul'tura postmoderna: Obshchestvenno-kul'turnye posledstviya tekhnicheskogo razvitiya* [Postmodern Culture: Socio-Cultural Consequences of Technological Development]. Translated from German. Moscow: Respublika.
7. Tul'chinskiy, G.L. & Uvarov, M.S. (eds) (2000) *Perspektivy metafiziki: klassicheskaya i neklassicheskaya metafizika na rubezhe vekov* [Perspectives of Metaphysics: Classical and Non-Classical Metaphysics at the Turn of the Century]. Saint Petersburg: Aleteyya.
8. Castells, M. (2017) *Vlast' kommunikatsii* [Communication Power]. Translated from English. Moscow: HSE.
9. McLuhan, M. (2003) *Ponimanie media: Vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: The Extensions of Man]. Translated from English. Moscow; Zhukovskiy: "KANON-press-Ts", "Kuchkovo pole".
10. Lacan, J. (2009) "Ya" v teorii Freyda i v tekhnike psikhoanaliza (Seminar, kn. II. 1954–55) [The Ego in Freud's Theory and in the Technique of Psychoanalysis

- (Seminar, Book II. 1954–55)]. Translated from French. Moscow: Izd-vo “Gnozis”, Izd-vo “Logos”.
11. Žižek, S. (1999) *Vozvyshennyi ob"ekt ideologii* [The Sublime Object of Ideology]. Moscow: Izd-vo “Khudozhestvennyy zhurnal”. [Online] Available from: http://yanko.lib.ru/books/philosoph/jizhek-vozv_o_ideologii-81.pdf (Accessed: 17.01.2026).
  12. Berdyaev, N.A. (1994) *Filosofiya svobodnogo dukha* [Philosophy of the Free Spirit]. Moscow: Respublika.
  13. Mikhaylichenko, D.G. (2011) *Sub"ektivatsiya sovremennogo cheloveka v kontekste tekhnologii massovoy manipulyatsii* [Subjectivation of Modern Man in the Context of Mass Manipulation Technologies]. Abstract of Philosophy Dr. Diss. Chelyabinsk.
  14. Kerimov, T.Kh. (2011) *Bytie i razlichie: geneologiya i geterologiya* [Being and Difference: Genealogy and Heterology]. Moscow: Akademicheskii proekt: Fond “Mir”.
  15. Molchanov, V.I. (2004) *Razlichenie i opyt: fenomenologiya neagressivnogo soznaniya* [Distinction and Experience: Phenomenology of Non-Aggressive Consciousness]. Moscow: Modest Kolerov i “Tri kvadrata”.
  16. Kerimov, T.Kh. (2011) [Heterology and the Concept of Differential Sociality]. *Sotsial'noe: sodержanie, smysl, poisk v sovremennom kul'turno-istoricheskom prostranstve i diskurse* [The Social: Content, Meaning, Search in Modern Cultural-Historical Space and Discourse]. Proceedings of the International Conference. Kazan: Kazan University. pp. 48–56. (In Russian).

Сведения об авторе:

Шайхитдинова С. К. – д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры национальных и глобальных медиа Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия). E-mail: Svet1206@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S. K. Shayhitdinova, Dr. Sci. (Philosophy), full professor, professor, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: Svet1206@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.12.2025;
одобрена после рецензирования 08.12.2025; принята к публикации 20.01.2026*

*The article was submitted 05.12.2025;
approved after reviewing 08.12.2025; accepted for publication 20.01.2026*